

# Шансон, да не тот

Коммерческая цензура на эстраде страшнее советских худсоветов, считает Елена Камбурова

## БЕЛАЯ ВОРОНА

Что случилось? «Случился эффект «сарафанного радио», - считает народная артистка России Елена Камбурова, - при почти полном молчании СМИ, кассу нам делают те, кто истосковался по поэзии и музыке. Именно в таком сочетании». Изза спроса на хорошо забытое старое в театр Камбуровой потянулись известные режиссеры. Ученик Петра Фоменко Иван Поповски поставил здесь «PS. Грезы» по произведениям Шуберта и Шумана и «Абсент» по французскому шансону. Олег Кудряшов - «Антигону» и «Семь тетрадей учителя русской словесности» по Юлию Киму. Наконец, в театре идет очередная премьера - «Счастливые дороги» - поэма-распада на тему пушкинских «Цыган».



Анна Лощихина  
Журналист

В Театр музыки и поэзии Елены Камбуровой не попасть. Когда он только открылся, была реальная опасность - выживет ли? Концерты и спектакли шли в подпольных залах. Сегодня билеты раскупаются на неделю, а на аншлаговые спектакли - на месяц вперед

И все же есть впечатление, что вы ушли в глухую оппозицию.

Давняя история. Раньше стеной между мной и зрителем стояла цензура, обвиняя меня в «упадничестве». Сегодня у стены другая фактура - коммерческая. Эта цензура еще жестче.

Вас тихо запрещают?

Зачем? Достаточно тотального давления поп-индустрии. Это нашестивое принимает уродливые черты. Везде «поп» знает свое место. У нас он хлещет отовсюду и на полную мощность. Я боюсь телевизор включать. Знаете, в годы моей юности мы смеялись над примитивизмом советской эстрады. А теперь она - классика в сравнении с

тем набором мелодий и слов, что звучат по принципу: «Вперед, к языку Эллочки-людоедки».

Но и барды вас своей не считают.

Это верно.

Тогда как определяется жанр, в котором вы работаете?

Владимир Дашкевич, один из моих любимых музыкантов, точно его определил - третье направление или русский шансон. Это хорошая музыка - не слова, а поэзия; не шепот и кривляние, а вокал в сочетании с актерскими данными исполнителя, что позволяет увидеть еще и драматическое пространство песни. Все вместе составляет партитуру песни. Правда, с появлением радио «Шансон»... Там много всего, что и рядом не может стоять с традициями Вертинского, Высоцкого, Окуджавы.

Слишком «бардово»?

Слишком без музыки и плаксиво, что отдает зоной. А к бардам отношусь хорошо. Дважды ездила на фестиваль в Грушино. Но с годами изменилась система его координат. Увеличилось количество людей, которые не знают, куда приезжают, но знают зачем - «оттянуться».

Где вы находите для себя места, что помогают расти и восстанавливаться?

По большому счету для меня это зрительный зал. Но все не так просто. В нашей стране - это еще и Москва. Не как город, а как генератор мысли и энергии. Я приехала сюда тоже из столицы, из Киева, но долго не могла найти Шукинское театральное училище. И долго еще не могла найти себя в городе.

И когда освоились?

Когда «заболела» архитектурой. После Праги. Я там впервые ощутила, что такое «застывшая симфония камня». Вернулась и начала отыскивать такие дома. Оказалось, что для меня это булгаковская Москва, квадратик между метро «Пушкинская» и «Маяковская». Особенно полюбила бродить и выискивать красивые двери, решетки и окна.

Ими богаты арбатские переулки. А то, что живу в поэтической столице Окуджавы, Самойлова, Левитанского, Поженяна, я всегда понимала.

Была у вас история со слезами, которым Москва не поверила?

Когда поступала в училище циркового и эстрадного искусства, я быстро поняла, что родственникам в тягость, и пришлось съехать. Это был промежуток, когда экзамены я сдала, поступила, но жить было негде. И вот до того как дали общежитие, я ночевала где придется - у знакомых, на вокзалах и даже на стройках. Сильнее страха по ночам было ощущение чужого на этом празднике жизни. Оно долго оставалось, но помогало не зачерстветь и не засохнуть. Помню, надоело бомжевать, набралась храбрости и днем заходила в какие-то квартиры, это был конец 60-х, и просилась остановиться. В людях был силен страх перед чужим человеком, и от меня шарахались. Так я и ночевала на стройках до начала учебного года.

А теперь с высоты столичного жителя, что для вас провинциализм?

Не могу поделить зрителя на столичного и провинциального. Территориально - да, но в провинции бывает такой вдумчивый и потрясающий зритель, которого в суеете столицы не всегда отыщешь. Я сужу по своему зрителю, он, как правило, читающий и вдумчивый - душа радуется. Одинаково тяжело видеть духовный провинциализм, когда девочки-мальчики бегают за звездами шоу-бизнеса. Вот этого в столице, пожалуй, побольше, чем в провинции.

Так эти девочки-мальчики как раз считают себя раскованными и «продвинутыми»...

Мне их жаль... Они всего лишь жертвы пропаганды ценностей общества потребления, которые и потребляет масскультура. Их «продвинутость» идет от недостатка культуры и духовности. У духовного человека нет необходимости стоять над кем-то и смотреть сверху вниз или наоборот. А так сегодня самоутверждаются многие. Выйдите на улицу: Москва, Петербург, Киев, Новосибирск, да и многие города внешне похорошели, а люди подурнели. Очень много надменных и наглых лиц у внешне уважаемых людей. Я это впервые осознала в дорогом магазине, где случайно задела некоего господина. Надо было видеть выражение его



Я пою для невидимой России

## ДОСЬЕ

Елена Камбурова родилась в Новокузнецке (Кузбасс), юность прошла на Украине, куда переехала семья, родословная которой восходит к грекам Приазовья. Окончила Государственное училище циркового и эстрадного искусства (ГУЦЭИ) в 1967 году. В 1979 году - факультет эстрадной режиссуры ГИТИСа. Шестидесятые годы - время интереса к поэзии. Поэтому поэтическая основа песни стала для Камбуровой ключом при поиске репертуара.

Народная артистка России (1995 г.), член Союза театральных деятелей, с 1992 года - художественный руководитель основанного ею Театра музыки и поэзии.

лица. Мол, что это тут у меня под ногами?

Вас не узнают?

Редкий случай, когда узнают. У меня есть домик под Рязанью. Обычный, крестьянский. С печкой. Мне там очень хорошо с деревенскими людьми. Сначала они просто не знали, кто я. Потом меня кто-то выдал из москвичей. Соседи до сих пор не выговаривают мою фамилию. Один старик вообще называет меня «Гамбургскова». А в Москве, когда узнают, (что редкость), я не смущаюсь и не убегаю, потому что это милые люди. И нам есть о чем поговорить, кроме автографов и других условностей времени.

Где вы себя ощущаете, что называется, «в своей тарелке», кроме зрительного зала и деревни под Рязанью?

Таких мест много. Из любимых - Киев, Питер, особенно Новосибирск. Я туда шестнадцать лет езжу на гастроли. И всегда, это не образ, - полные залы. Да и в Москве то же самое.

А почему не поете знаменитую «Гренаду»?

Она несправедливо считалась комсомольским

хитом. Хотя попробую ее восстановить. Это идея: время, как история, идет по спирали.

Вас нет на радио и ТВ, но вы по-прежнему собираете залы, и в ваш театр не попасть. Почему?

У нас много людей удивительной духовности и потребности чувствовать и размышлять. Это невидимая Россия, на ней все держится. Я обращаюсь к ним, минуя телевидение. Я против создания под него бездумной жвачки - масскультуры. И зритель, который к нам в театр пошел, доказывает: я не одинока.

Может, интеллигенция все же малодушно самоустранилась, поэтому так наступает массовая культура?

Есть и это, но, главное, - не дают, душат рублем-долларом. А от культуры требовать самоокупаемости и прибыли - это гибельный путь. Кстати, это поняли и в Европе, и в Америке. Что-то меняется и у нас. На смену слезливому и криминальному «мылу» пришли «В круге первом», «Дети Арбата», «Мастер и Маргарита». И эти робкие ростки дают надежду.

Петербург, Киев, Новосибирск, многие города внешне похорошели, а люди подурнели. Много надменных и наглых лиц у внешне уважаемых людей. Я это впервые осознала в дорогом магазине, где случайно задела некоего господина...